

Альбер Собуль

ОТ ТЕРРОРА к КОНСУЛЬСТВУ:

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА и СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

перевод Н. И. Непомнящей

Французский ежегодник 1971

М.: Наука. 1973. С.129-137

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Другие работы А.Собуля: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb>

I

В течение лета и осени 1793 г. постепенно завершилось образование Революционного правительства: оно возникло как некий символ новой национальной реальности. Но в то время как Гора пребывала в нерешительности и дискутировала, народные массы, движимые своими нуждами и своей ненавистью, побуждали к действиям и заставляли прибегать к решительным мерам: результат — 23 августа, всенародное ополчение.

Тем не менее сильное правительство было все же необходимо, чтобы дисциплинировать порыв масс и поддерживать связь со средними слоями, единственно возможным поставщиком нужных кадров. И такова в действительности была в течение всего II года политика Революционного правительства. В первую очередь такова была постоянная забота Робеспьера — сохранить любой ценой революционное единство прежнего третьего сословия, т. е. национальное единство.

В этом смысле можно истолковывать некоторые аспекты его деятельности: например, отказ от дехристианизации¹. И в этом же смысле террор был средством национальной и социальной обороны. В нем по-прежнему проявляется стремление народа защитить себя от враждебных действий аристократии и покарать своих врагов, но это стремление находится отныне под контролем правительства и повинуетя закону. Статистические исследования Дональда Грира подтверждают этот характер террора². Он свирепствовал главным образом там, где контрреволюция прибегала к оружию и к открытой измене: если 15% смертных приговоров было вынесено в Париже, то 71% относится к двум главным районам гражданской войны — 19% на юго-востоке, 52% на Западе. Мотивация приговоров согласуется с этим распределением по районам: в 72% случаев дело идет о мятеже. Нам, без сомнения, будут возражать, указывая на социальный состав приговоренных, на то, что 85% их принадлежало к третьему сословию и только 8,5% к дворянству и 6,5% к духовенству; но, как замечает Жорж Лефевр, с перебежчиками в подобной борьбе обходятся менее снисходительно, чем с исконными врагами³. Подобно

¹ 16 фримера II года (6 декабря 1793 г.) Конвент торжественно декретировал возвращение к принципу свободы культа. В заключение он приглашал «от имени родины всех добрых граждан воздерживаться от любых споров, богословских или иных, чуждых великим интересам французского народа и всячески способствовать победе Республики и разгрому ее врагов». См речь Робеспьера в Якобинском клубе, 1 фримера (21 ноября 1793 г.): в критической ситуации, переживаемой Францией, опасно возбуждать новые раздоры.

² D. Greer. The incidence of the Terror during the French Revolution. A statistical interpretation. Cambridge, U. S. A., 1935.

³ G. Lefebvre. La Révolution française, p. 405.

гражданской войне, террор, являющийся лишь одним из ее аспектов, не признавал принадлежность к нации за элементами, считавшимися неспособными к социальной ассимиляции в силу принадлежности либо к аристократам, либо к лицам, связавшим свою судьбу с аристократией. С другой стороны, он содействовал развитию чувства национальной солидарности; придав Революционному правительству функции принуждения, восстановив, следовательно, государственную власть, он заставил ненадолго умолкнуть классовый эгоизм и потребовал от всего населения жертв, необходимых для блага нации.

Борьба против политических группировок преследует те же цели: очистить нацию от элементов раскола. Сен-Жюст, разоблачая группировки, фактически отражавшие растущий социальный энтагонизм, обвиняет их в раскалывании национального фронта, в компромиссах с внутренними или внешними врагами, в нанесении удара единству третьего сословия, этому важнейшему залого победы над аристократией. «Таким образом, иностранные державы создадут множество групп заговорщиков,— заявляет он 23 вантоза II года (13 марта 1794 г.) в своем докладе об иностранных кликах.— Следовательно, всякая партия преступна, ибо она изолирована от народа и от народных обществ и независима от правительства. Следовательно, всякая группировка преступна, ибо она стремится породить рознь среди граждан». И в своем докладе о полиции 26 жерминаля (15 апреля 1794 г.) он говорит: «Вы, сеющие раскол среди населения Республики, вы — лютые звери».

Недостаточно, однако, настаивать на необходимости национального единства и насильственно насаждать его. Нужно придать ему содержание, способное привлечь массы. Мысль социальными категориями своего времени, монтаньяры и якобинцы, как и вожди санкюлотов, представляют себе включение народных масс в буржуазную нацию только путем приобщения их к собственности в том смысле, какой придавался этому понятию в 1789 г. Уже и речи нет о том, что право собственности есть нечто второстепенное по отношению к праву на существование, ни о том, чтобы трактовать право собственности как «социальную категорию», а не как естественное право. При обсуждении новой Декларации прав, предпосланной конституции 1793 г., Робеспьер и словом не обмолвился о своем предложении от 24 апреля («собственность есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той долей имущества, которая ему гарантирована законом»). Но Гора пыталась удовлетворить крестьян, не только безвозмездно уничтожая все остатки сеньориальных прав (17 июля 1793 г.), но и декретируя продажу эмигрантских земель мелкими участками с рассрочкой платежей на десять лет (3 июня), а также разрешая подушный раздел общинных земель между членами общины (10 июня).

Кульминационным пунктом этой политики, имевшей целью создание нации мелких собственников и отождествление родины и собственности, явились вантозские декреты II года. «Сила обстоятельств,— заявляет Сен-Жюст 8 вантоза (26 февраля 1794 г.),— приведет нас, пожалуй, к результатам, о которых мы и не помышляем. В руках довольно значительного количества врагов революции сосредоточены большие богатства; нужда заставляет трудящихся зависеть от своих врагов. Полагаете ли вы, что может быть жизнеспособным государство, если отношения между гражданами в конечном итоге противоречат форме правления?» Эти слова, на первый взгляд загадочные, делают понятными в свете некоторых предписаний «Institutions Républicaines»: «Предоставить всем французам возможность приобретать предметы первой необходимости вне зависимости от чего-либо другого, кроме закона, и безотносительно к званию» (т. е. к социальному положению). Или еще: «Нужно, чтобы человек вел независимое существование». Здесь речь идет о социальной и экономиче-

ской независимости, которая обеспечивается собственностью. Декреты от 8 и 13 вантоза лишают врагов нации и подозрительных их собственностью, чтобы передать ее людям, преданным нации, неимущим патриотам. Эти декреты не представляют собой, следовательно, как полагал Альбер Матьез, «программу новой революции», но вписываются в тенденции буржуазной революции с ее глубочайшей приверженностью к собственности: конфискация частного имущества всегда была лишь видом борьбы против аристократии, когда обнаруживалось, что эта последняя не только не желает признавать новую нацию, но и не колеблясь прибегает при этом к измене. Следовательно, когда Сен-Жюст в своем докладе от 8 вантоза утверждает, что «тот, кто выказал себя врагом своей страны, не может обладать в ней собственностью», он повторяет давнишнее мнение революционной буржуазии, уже проиллюстрированное конфискацией эмигрантских земель. Такого же мнения придерживались санкюлоты и глашатаи их взглядов. Жак Ру в августе 1793 г. требовал, чтобы по окончании кампании часть имущества эмигрантов, федералистов и депутатов, покинувших свои посты и предавших нацию, была распределена между победоносными санкюлотами и их вдовами. Анрио, генерал-санкюлот парижской Национальной гвардии, подробно излагал те же взгляды в Якобинском клубе 7 брюмера (28 октября 1793 г.): «Нужно, чтобы все, чего лишаются аристократы, переходило к патриотам: дома, земли — все должно быть разделено между теми, кто разгромил этих злодеев»⁴.

В то время как Революционное правительство и особенно робеспьеристы стараются, опираясь на мелкую собственность, создать для нации прочную, по их мнению, базу, экономическая политика II года, характерными чертами которой были таксация, регламентация и контроль, вносит элемент раздора в новую национальную реальность. Закона 29 сентября 1793 г. о всеобщем максимуме требовали санкюлоты, и он был утвержден под их давлением; угодить им было необходимо, так как в их энергии нуждались для борьбы против аристократии и для спасения нации. Но приверженность буржуазии — даже той ее части, которая разделяла взгляды якобинцев, — к свободе производства, ее враждебность к таксации не подлежат никакому сомнению. Хотя ремесленники в качестве потребителей и требовали максимума, применение его к ним как к производителям раздражало их. Комитет общественного спасения, озабоченный в первую очередь сохранением единства третьего сословия в противовес аристократии, долго противился таксации, но в конце концов решил использовать ее главным образом в нуждах войны. Действительно, существовавшее противоречие между интересами революционной буржуазии и интересами санкюлотов делало для Комитета общественного спасения невозможной подлинно эффективную экономическую политику, так как у нее не было единой национальной и экономической базы. Правда, интересы национальной обороны требовали, чтобы санкюлоты ели досыта, а это узаконивало максимум. Однако это не мешало тому, что в умах народа, как и в умах буржуазии, заботы национальные и заботы социальные перепутывались, противореча друг другу. Если санкюлоты и требовали максимума, то при этом собственные их выгоды (пусть и в ущерб буржуазии) играли значительно большую роль, чем тревога о нации. А используя максимум преимущественно в выгодах национальной обороны и государства (которое исторически могло быть только буржуазным государством), Революционное правительство разочаровывало народные массы.

Однако во II году война обрела более четкое национальное и социальное значение. «Если нас к этому принудят, мы будем ее вести, эту грозную войну патриотизма против тирании», — говорил уже 25 декаб-

⁴ Об этом истолковании вантозских декретов см. мою книгу «Les sans-culottes parisiens en l'an II», p. 708.

ря 1791 г. Дюбуа-Крансе в Якобинском клубе⁵. «Амальгама», утвержденная 24 февраля 1793 г.⁶, придала армии национальный характер; война в свою очередь тоже национализируется. Как отмечает Фернан Брюно, слова «национальный» или его производные включаются теперь в любую оборот речи, имеющий отношение к армии⁷. Социальное значение войны также вполне ясно как для той, так и для другой стороны. Эмигранты намереваются уничтожить дело 1789 г. и восстановить господство аристократии. Берк считал, что именно такова цель этой войны, которая, несмотря на все пышные слова, ясно осознавалась как война классовая. Реставрация старого режима в департаменте Нор, частично оккупированном австрийской армией, может служить иллюстрацией социального содержания войны, которую вела коалиция: австрийская хунта в Валансьенне произвела контрреволюцию, восстановила сенерьяльные права и церковную десятину, вернула неприсягнувшим священникам и монастырям не проданные еще земли; нет никакого сомнения, что в случае поражения нации победоносная контрреволюция потребовала бы признания недействительной продажу национальных имуществ⁸. В рядах армии II года, наоборот, национальный пыл и революционный дух сливались воедино. В то время как коалиционные правительства подавляли демократический порыв, не желали вызывать к национальному чувству и популяризировать войну и замыкались в своих аристократических предрассудках («Они страшатся собственных подданных почти так же, как своих врагов», — говорил Малле дю Пан), Революционное правительство проводило чистку командного состава и старалось укрепить цивизм войска. «Одна лишь численность солдат и их дисциплина не обеспечат вам победы, — заявлял Сен-Жюст 12 февраля 1793 г. в своей речи о реорганизации армии, — вы одержите ее только, укрепляя республиканский дух в армии».

Флерюс и победа завершили подрыв национального единства, уже поколебленного социальным антагонизмом всякого рода. Пока революции грозила опасность, буржуазия не решалась разделиться с Революционным правительством, боясь, что это повредит национальнй обороне. Теперь же победа кажется бесспорной, и чувство социальной солидарности берет верх. Революционное третье сословие окончательно дезорганизуется. Дело идет о том, чтобы покончить с управляемой экономикой и восстановить свободу прибылей, ликвидировать всякую угрозу «народной республики»⁹ и вернуться к либеральной практике: одним словом, возродить экономическое и социальное превосходство буржуазии. Нация, в которую на какой-то срок были допущены народные массы, снова ограничивается собственниками в узких рамках цензовой республики. Именно в этом смысле 9 термидора является переломным моментом в становлении французской нации.

II

Исключив из состава нации как народные массы, так и аристократию, буржуазная нация обрекла себя на нестабильность, длившуюся до того дня, когда аристократия внезапно проявила привязанность к земельным владениям, которых она частично лишилась; обнаружила, как важно чувствовать себя связанной с родной землей и придала слову «родина»

⁵ Discours sur la situation présente des affaires. Bibliothèque nationale, L⁸⁴⁰, 662, imp. in 8°, s. d.

⁶ «Амальгама» — слияние добровольческих батальонов с линейной (кадровой) армией (прим. ред.).

⁷ F. Brunot. Histoire de la langue française, v. IX, p. 922.

⁸ G. Lefebvre. Les paysans du Nord pendant la Révolution française. La contre-révolution autrichienne (1793—1794).

⁹ Мы находим выражение «народная республика» у Этьена Барри.— E. Barry. Essai sur la dénonciation politique, 1793. (Bibliothèque Nationale, 8° LC 809).

новый для нее смысл. Тогда утвердился союз всех собственников, буржуа и бывших дворян, патриотизм отождествился с любовью к родной земле и воплотился в земельной собственности.

Народные массы, однако, не примирились беспрекословно с тем, что их отбросили за пределы нации, созданию которой они содействовали. 27 вантоза III года (17 марта 1795 г.) изнуренные голодом делегаты предместий Сен-Марсель и Сен-Жак (секции Финистера и Обсерватории) заявляют у решетки Конвента: «У нас нет хлеба. Мы находимся на грани того, чтобы начать жалеть о всех тех жертвах, которые мы понесли для революции...»¹⁰ Восстания в жерминале и прериале и последовавшие за ними репрессии доказали невозможность стабилизировать нацию на узком базисе собственности и цензовой буржуазии. С тех пор революционное движение приобрело новую ориентацию. Это произошло не сразу. Бабеф намеревался обеспечить «общее благо», а не «благо горстки людей»¹¹; но он лишь с трудом освободился от современных ему воззрений, согласно которым нация основывается на собственности. В «Tribun du peuple» от 19 нивоза III года (8 января 1795 г.) он напоминает о «превосходных законах» монтаньярского конвента — тех, которые открыли доступ к собственности. «Вспомните, депутаты-плебеи, закон, согласно которому вы обещали по окончании войны предоставить собственность всем защитникам родины! Вспомните также закон, гарантирующий санкюлотам, не имеющим собственности, земельные участки из имущества врагов родины!» В «Манифесте плебеев» от 8 фримера IV года, он, несомненно при виде тогдашней нужды, наконец, решает: отвергает аграрный закон, осужденный на недолговечность, уничтожает право наследования и особенно настаивает на ликвидации земельной собственности. Но время еще не созрело для нации не-собственников!

И тогда же белый террор 13 вандемьера и Киберон наглядно доказали, что аристократия упорствует в своей оппозиции, и это на какой-то срок вновь спаяло против нее всех патриотов. Неизменность антиаристократических чувств при Директории в рядах буржуазии и среди народных масс не подлежит никакому сомнению. Закон 3 брюмера IV года запрещает родственникам эмигрантов занимать общественные должности: отмененный в V году роялистским большинством, он был восстановлен после 18 фрюктидора. Немного погодя Сиейес внес предложение об изгнании дворян, служивших или имевших какой-либо сан при старом режиме, и о приравнивании всех остальных к иностранцам; закон 9 фримера IV года (29 ноября 1797 г.) ограничивается этой второй мерой; и хотя он никогда не применялся, цель его тем не менее была ясна.

Итак, определение нации вновь втискивается в узкие рамки цензовой буржуазии, и ее принципы были четко сформулированы Буасси д'Англа в его вступительной речи к обсуждению проекта Конституции 5 мессидора III года (23 июня 1795 г.). «Вы должны, наконец, гарантировать собственность богатых... Равные гражданские права — вот все, чего может требовать здравомыслящий человек...»¹² Нами должны управлять самые лучшие люди, а самые лучшие — это самые образованные и наиболее заинтересованные в соблюдении законов; но ведь, за весьма немногими исключениями, вы найдете подобных людей лишь среди тех, кто, владея собственностью, привязан к стране, где она находится, ценит законы, которые ее защищают, и спокойствие, которое ее охраняет, и кто обязан этой собственности и создаваемому ею благосостоянию своим образова-

¹⁰ «Moniteur», v. XXIII, p. 717.

¹¹ «Le Tribun du peuple», 15 brumaire an IV.

¹² «Абсолютное равенство — химера; для его существования было бы необходимо, чтобы все люди были полностью равны по уму, по добродетели, по физической силе, по образованию и по имущественному положению». Верньо рассуждал точно так же 13 марта 1793 г.

нием, сделавшим его способным мудро и беспристрастно обсуждать преимущества и недостатки законов, определяющих судьбу его родины... В стране, управляемой собственниками, царит социальный порядок, а та страна, где управляют люди, не имеющие собственности, находится в первобытном состоянии»¹³. С правом на собственность, само собой разумеется, связана экономическая свобода. «Если вы предоставите неограниченные политические права людям, не имеющим собственности... они установят таксацию, губельную для торговли и промышленности, так как они не испытали на себе ее прискорбных результатов и не будут ни опасаться, ни предвидеть их». Это означало безапелляционное осуждение опыта II года и лишение народных масс всякой надежды. Таким образом, была возобновлена традиция 1789 г. и намечался, благодаря соглашению термидорианских республиканцев с конституционными монархистами, облик нации «нотаблей», т. е. собственников, по меньшей мере зажиточных.

В приобретении собственности, ставшем, по законодательству монтаньяров, на некоторый срок более доступным, было одновременно — во имя свободной экономики — отказано народным массам. Когда 27 фрюктидора II года (13 сентября 1794 г.) Фейо предложил новый порядок продажи национальных имуществ, который благоприятствовал бы республиканцам несобственникам, то Лозо, депутат от Нижней Шаранты, побил его его же доводами, заявив, «что в республике с двадцатичетырехмиллионным населением все не могут быть земледельцами... что нельзя превращать большинство нации в земельных собственников, ибо в таком случае каждый вынужден был бы, чтобы прокормиться, обрабатывать свое поле или свой виноградник, а торговля, ремесла и промышленность вскоре сошли бы на нет»¹⁴. Термидорианцы отвергали народный идеал нации мелких независимых производителей.

Между тем как благодаря Конституции III года укреплялась буржуазная концепция нации, национальное чувство, поддерживавшее до той поры боевой дух армии, получало иное звучание. Некоторая привязанность к республике, несомненно, осталась, но уже с примесью презрения к термидорианскому правительству, а затем к Директории. Растет дезертирство. Так как личный состав армии не обновлялся со времени всенародного ополчения, а завоевания уводят ее далеко от Франции, солдаты мало-помалу обособляются от остальной нации; тогда появляется прозвище «réquin» или «pékin» (шпак), получившее широчайшее распространение в первые годы Империи¹⁵. Распространяется пассивное повинование, солдаты, превратившиеся в профессионалов и находящиеся в чужих странах, слепо идут за своими начальниками. Преданность нации уступает место духу авантюризма и грабительства. «Солдаты, вы оборваны, вы не доедаете, — заявляет Бонапарт в своем воззвании от 26 марта 1796 г., накануне итальянской кампании. — Я хочу повести вас в самые плодородные страны мира. В вашем распоряжении будут богатые области, большие города, вас ждут там почести, слава и богатство...» Патриотизм лишается своего республиканского и гуманного содержания, национализм пускает ростки, взамен гражданских чувств и революционного энтузиазма появляются презрение ко всему иностранному, кичливость военными успехами и национальное тщеславие. Мари Жозеф Шенье в связи со смертью Гоша превозносит «великую нацию, привычную к победам»; это выражение,

¹³ «Moniteur», v. XXV, p. 92. «Человеку, не имеющему собственности, наоборот, нужно постоянно делать над собой усилие, чтобы бескорыстно заинтересоваться строем, которому нечего у него охранять, и чтобы противиться движениям, сулящим ему кое-какие надежды». См. также выступления Майля и Ланжюине 26 термидора (13 августа 1795 г.), выдержанные в том же духе («Moniteur», v. XXV, p. 497).

¹⁴ «Moniteur», v. XXI, p. 748.

¹⁵ F. Brunot. Op. cit., v. X, p. 999.

внушающее гордость, было ходячим при Директории; Империя освятит его.

Вторая коалиция и возобновление войны вновь поставили вопрос о недостаточной стабильности буржуазной нации. Опасность, угрожавшая нации, вынудила в июне — июле 1799 г. прибегнуть к крайним мерам: в последний раз верх одержали якобинцы благодаря своей неуступчивости и своей решительности. Был объявлен принудительный стомиллионный заем у богатых, принят закон о заложниках (24 мессидора VII года — 12 июля 1799 г.). 14 июля Журдан провозгласил тост «За возвращение к пикам!». Это было уже слишком, буржуазия перепугалась; летом обозначились признаки антиякобинской реакции; клуб Манежа, перебравшийся на улицу Бак, был закрыт 25 термидора (13 августа). Как и во II году, опасность, угрожавшая нации, потребовала крутых мер; но теперь и речи не было о том, что народные массы могут поставить под сомнение социальное и политическое превосходство буржуазии. Таков был смысл 18 брюмера: «нация» оставалась в границах, установленных ей нотаблями в III году.

III

Военная диктатура Бонапарта позволила нации стабилизироваться и в то же время расшириться благодаря включению в нее тех аристократов и эмигрантов, которые согласились признать новый порядок; так началось слияние элементов нового господствующего класса и была достигнута одна из целей, поставленных перед революцией деятелями 1789 г.

Этой эволюции благоприятствовали изменения в психике эмигрантов. Они покинули Францию из-за привязанности к традиционным ценностям, по велению чести или движимые социальным эгоизмом и долгое время даже слова «нация» или «патриоты» они произносили с презрением, но тяготы изгнания заставили их по-иному взглянуть на Францию, привязаться к понимаемой по-новому родине, символом которой отныне стали не «моя религия и мой король», но уже «земля и могилы близких». Так, на стыке XVIII и XIX вв. объединяются на прочной основе родного края и земельной собственности крупная буржуазия и примирившаяся с новым строем аристократия, и слово «родина» приобретает новый смысл.

Преобразованием земельной собственности революция еще крепче привязала владельцев к земле. Отмена сеньориальных прав и церковной десятины вытравивала у крестьян-собственников всякий революционный дух: они чувствуют себя теперь полными собственниками; пропасть между ними и неимущей сельской массой углубилась. Распродажа национальных имуществ несомненно умножила число мелких собственников; она еще больше укрепила социальное превосходство сельской буржуазии — зажиточных земледельцев и крупных фермеров, равно как и городской буржуазии; их обеих связывает отныне общий консерватизм. С тех пор для этих французов-собственников, и безусловно в первую очередь для крестьян, родина делается конкретным понятием (это — принадлежащая им земля), а патриотизм, утративший всякую политическую ценность, обретенную им в 1789 г., становится чувством, материализующимся в абсолютном владении землей.

В то же время и по мере того, как длится изгнание, воспоминания и сетования эмигрантов кристаллизуются вокруг родного края. Теперь, после того как они лишились конфискованной у них земельной собственности, им открылась ее сентиментальная ценность. Вопрос чести, привязанность к особе короля уступают мало-помалу место тоске по родине, умиленным и меланхолическим воспоминаниям детства. «Чтобы описать это томление души, которое испытываешь на чужбине, — пишет Шатобриан в «Духе христианства» (1802), — народ говорит: «Этот человек болен то-

ской по родине». И это действительно болезнь, которую можно излечить только возвращением». Эмигрантам, начавшим с космополитизма (*ubi bene, ibi patria*), открылась доступная чувству реальность далекой родины: эта новая тема процветает в «Элегиях» и «Сетованиях», изобилующих в эмигрантском творчестве и предваряющих «сладкое воспоминание» Шатобриана¹⁶.

Итак, спустя десять лет после революции Франция аристократическая и Франция буржуазная объединяются. Несмотря на все, что могло противопоставить их друг другу, они, руководимые тайными интересами земельной собственности, теперь единодушно отождествляют землю Франции с французской родиной, вовсе не беспокоясь о тех, кто не является там собственниками и не может поэтому конкретизировать свой патриотизм как понятие территориальное. Буржуазия и обеспеченное крестьянство, благодаря укреплению за ними земельной собственности или приобретению новой, придают тому, что в 1789 г. было лишь абстрактным понятием, возбуждавшим большие надежды, но с малыми шансами на их осуществление, осязаемую форму, которую сделают еще прочней социальные мероприятия и политика Консульства: французская нация становится отныне нацией собственников. Идя по совершенно иному пути, возвращаясь к ценностям, определяемым инстинктом и чувствами, причем более сильными, чем традиционные предрассудки, эмиграция конкретизировала идею родины и отождествляла ее с землей, готовясь таким образом включиться в нацию собственников.

Деятельность Бонапарта отвечала в этой области чаяниям и тех и других. В «*Mercurie britannique*» от 25 января 1799 г. Малле дю Пан сформулировал непереносимое условие присоединения: «...Установить порядки, обеспечивающие как личную свободу, так и свободу собственности». По мнению Мунье, бывшего члена Учредительного собрания, собственность должна быть стержнем нового строя, появление которого он торопит. «Я вижу лишь одно-единственное средство спасения,— пишет он Гентцу 4 марта 1798 г.,— это искать опору в собственности». Но так как основы собственности теперь изменились, то для Мунье ясно, что это повлечет за собой новую стабильность, с которой надо примириться¹⁷. Именно на этой базе землевладения Бонапарт реконструирует Францию. Широко открывая сенатус-консультом от 6 флореаля X года (26 апреля 1802 г.) границы для эмигрантов, он преследует цель «укрепить» прочный мир внутри страны всеми способами, которые только могут объединить французов, успокоить семьи». Нет ничего лучшего для успокоения семей и объединения французов, как собственность. Привязывая возвратившихся эмигрантов к земле и земельной собственности, Бонапарт включает их в новую социальную иерархию и, укрепляя одновременно принцип самовластия, приспособливает их к социальному строю, бывшему первоначально направленным против них. «Мне нужен король, который был бы королем потому, что я собственник, и который владел бы короной потому, что я занимаю определенное положение; следовательно, чтобы покончить с революцией нужен король, созданный ею и чьи права имеют своим источником наши...» — такие речи держали 21 августа 1801 г. эмигранты перед французским послом в Вене¹⁸, а полное значение эти речи приобретут лишь в 1830 г.

¹⁶ Подробно см.: *F. Baldensperger. Le mouvement des idées et l'émigration française (1789—1815)*, t. I, p. 308.

¹⁷ *Ibid.*, p. 278, 279. Разбор книги Мунье (*Mounier. Adolphe ou principes élémentaires de politique et résultats de la plus cruelle des expériences, 1795*). см. *Ibid.*, p. 283. «Большинство французов,— пишет Мунье в предпоследней главе,— жаждут теперь порядка, покоя, личной безопасности и уважения к собственности».

¹⁸ *Mounier. Op. cit.*, t. II, p. 293.

В рядах бывшей аристократии или эмиграции признавать эту нацию собственников отказываются одни только отставшие от жизни сторонники космополитической традиции или же люди, беззаветно преданные королю милостью божьей. Для д'Антрега в 1796 г. «родина — слово, лишенное смысла, если под этим словом не подразумевается совокупность установлений, под эгидой которых мы жили... Родина, ограниченная понятием территории, ничего не говорит сердцу людей... Франция без короля для меня только труп, а о мертвых ведь дорого лишь воспоминание». Виконт де Бональд также пытается задним числом обелить эмиграцию, приписывая ей более возвышенное представление о патриотизме: «Цивилизованный человек понимает под родиной только законы, управляющие обществом, царящий в ней порядок, ее правительство, исповедуемую в ней религию, и для него его страна, возможно, не всегда бывает его родиной»¹⁹. Что это — представление об идеальной родине, плохо маскирующее упорную привязанность к привилегиям аристократии?.. Во всяком случае это запоздалый аргумент, который не мог оправдать в глазах нации, — как собственников, так и несобственников, — войну, начатую под чужеземными знаменами и упорно продолжаемую.

* * *

После более чем десяти лет всяческих превратностей национальное единство укрепляется. Французская революция в этом смысле, как и во многих других, ускорила эволюцию. Создан национальный рынок в том объеме, в каком это позволяло развитие путей сообщения. Новое государство, органы которого были усовершенствованы Бонапартом, дало нации прочную основу. Но структура государства, как и структура общества, преобразилась. Буржуазия считает государство, созданное, чтобы уважались ее законы и соблюдался установленный ею порядок, оплотом своих прерогатив. Этим определяются границы нации, порожденной революцией. Нация, родина — понятия, тем более революционные на заре 1789 г., что они, казалось, заключали в себе все остальные, — отяжелели и материализовались; они сведены теперь к рамкам земельной собственности.

Капиталистическая экономика, развиваясь, будет стремиться влить мало-помалу новое социальное содержание в национальную реальность. Однако долго еще будут действовать тайные чары земли и воплощенных в ней ценностей; этим объясняются некоторые метаморфозы национализма в XIX в. и более позднего времени, а также пятно меркантильного происхождения, долго лежавшее на владении движимым имуществом; пройдет еще много времени, пока этот вид богатства будет ассоциирован с родиной, под которой долго подразумевалась земля и могилы близких. Более того, если капиталистическая экономика, охватив новыми и мощными узами страну и общество, и включит, до известной степени народные массы в национальное единство, она в то же время создаст новые противоречия и новые антагонизмы, которые поставят национальную проблему в ином разрезе. Нация, родина — эти понятия не устанавливаются раз и навсегда. На каждом этапе исторического развития они проявляются — под маской, которая может показаться неизменной — в новых, всегда меняющихся социальных реальностях.

¹⁹ «Эмиграция, для некоторых вынужденная, — пишет Бональд, — была законна для всех. Для цивилизованного человека родная земля не обязательно родина; она не является ею даже для дикаря, который продолжает считать себя на родине, если он уносит с собой кости своих предков» (ibid., t. I, p. 299).